



М. ЛАТАРЦЕВА

ЧТО-ТО ПОШЛО
НЕ ТАК

18+

Мария Латарцева

Что-то пошло не так

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24426545

SelfPub; 2018

Аннотация

С недавних пор жизнь львовянина Богдана напоминала скоростную ленту неожиданностей и неприятностей: потеря работы, митинги на Майдане, смерть матери, переворот в Киеве, мобилизация в АТО, отъезд на родину, в Россию, жены с детьми... Казалось бы, удивляться уже нечему, и в это время «минивэн», следовавший в зону боевых действий, подрывается на mine, из семерых пассажиров машины в живых остаётся только он один.

Повесть является художественным произведением на основе реальных событий. Все герои – вымышлены, любое совпадение с реальными людьми – случайно.

Промозглый влажный воздух бесцеремонно лез во все щели, заставляя дрожать от холода и притопывать на месте. «Мда, сегодня полная дубарина, а до вечера ещё стоять и стоять», – Богдан машинально взглянул на часы, отметив время до конца смены, поднял воротник и затянул теснее шарф. Увы, теплее все равно не стало – середина февраля теплом не баловала, оставалась надежда, что удастся погреться у костра, или, в худшем случае, хотя бы выпить чашку горячего чая.

Депутаты в четком порядке выходили на сцену, бросали в толпу пару-тройку стандартных лозунгов, беззастенчиво обещали невыполнимое и, повертевшись несколько минут перед людьми, уходили в тепло помещений.

Дольше всех наедине с Майданом оставалась неразлучная тройка, записавшая себя в отцы-спасители державы – Яценюк, Кличко и Тягнибок. Последнего Богдан даже знал немного – общались как-то во время встречи на родном предприятии. Давно это было. Уже и должности экономиста планового отдела нет. И отдела нет. Да и самой фабрики нет. Что будет дальше, одному Богу известно.

Задумавшись о своём, он и не заметил, как вслед за Кличко слово взял Порошенко. «...Будем твёрдо стоять на сво-

ём...», «...не только Соединённые Штаты и Евросоюз, но и весь мир с нами в борьбе против нынешней преступной власти...», «...мы должны быть едины и никто не расколется нас...» – и снова ничего нового, все тот же порядком заезженный репертуар, скучный, однообразный и надоевший до безобразия.

Он потянулся в карман за телефоном, чтобы поговорить с родными, когда услышал фразу, заставившую его насторожиться: «...Вторая позиция: мы должны объединить Украину, и это не словом, а делом продемонстрировали наши партнёры и коллеги – ультрас и футбольные фанаты. Давайте отдельно похлопаем фанатам «Шахтёра» в Донецке!.. Фанатам «Металлиста» в Харькове!..» Дальше, перемежаясь громкими аплодисментами и возгласами одобрения, шли одесский «Черноморец» и днепропетровский «Днепр», а Богдан недоумевал, за какие такие «отдельные заслуги» удостоились чести Майдана ультрас и любители футбола?

Неожиданно, как черт из табакерки, на сцену выпрыгнула Руслана. «Вроде, в годах уже молодлица, а все не образумится,» – подумал укоризненно и вспомнил свою Наталью – высокую, статную кубанскую казачку...

Службу в Вооружённых Силах молодой львовянин проходил сразу же после окончания университета, когда еще хмельным вином кружил голову выпускной вечер, грудь переполняли амбициозные планы и романтические мечты, а рука то и дело украдкой касалась кармана пиджака, который

приятно оттягивал пахнувший свежей типографской краской новенький красный диплом. Повестка в армию несколько не смутила новоиспеченного экономиста, ведь служить Отечеству в то время не считалось зазорным, скорее, вопросы возникали к тем, кто не служил.

В одной казарме с Богданом оказались такие же вчерашние выпускники университетов – Эмиль из Казани и Александр из Харькова. Несмотря на высшее образование, ребята ничем не отличались от других новобранцев, разве только служить им предназначалось вместо двух стандартных лет – полтора, да на обмундировании сразу красовались лычки сержанта.

В свободное от службы время бывшие студенты с удовольствием вспоминали альма-матер и делились планами на будущее, а во время выходов в город спешили в местный парк развлечений, где всегда продавалось обалденное мороженое в вафельных стаканчиках, и можно было покататься на качелях. В очереди за билетами на аттракционы Богдан и увидел Наталью. Да, много с тех пор воды утекло, но помнится все, будто было вчера...

Воскресное утро ничего нового не обещало – привычный режим, отработанный, казалось, до дырок: утреннее построение, давно приевшийся завтрак и долгожданная увольнительная, обещающая праздник живота. Скажи кто-нибудь два года назад, что взрослому мужику так будет хотеться сладкого, в глаза рассмеялся бы, не поверил, а в армии и дня

не проходило без пирожных со стаканом сладкой газировки или грамм двести конфет. В выходные к обычному набору добавлялось мороженое.

Вот и сейчас он стоял возле касс, уничтожая вторую порцию «эскимо», и, как бы невзначай, изучал обстановку. Больше всего на аттракционах было детей, но ни они, ни их родители Богдана не интересовали, другое дело – девушки! Те стояли яркими стайками, похожие на разноцветных бабочек, и также исподтишка рассматривали военнослужащих.

В глаза Богдану бросилась высокая незнакомка с двумя тяжелыми косами ниже пояса на спине. Девушка увлеченно общалась с подругами, не торопясь поворачиваться к нему лицом, но почему-то он был абсолютно уверен, что она – красавица, а та, словно почувствовав на себе чужой изучающий взгляд, медленно повернула голову в сторону Богдана. И в то же мгновение его сердце рухнуло вниз. «Моя!» – решил он самонадеянно.

Эмиль и Саша тоже заметили девушек. Пританцовывая на месте и громко разговаривая, они так и этак старались привлечь к себе их внимание. Вроде бы дело житейское, но Богдан вдруг обиделся на друзей. Ему показалось, будто они пытаются обокрасть его. И так отчаянно захотелось сделать что-нибудь такое... такое... Ну, такое героическое, важное такое, подвиг, что ли, совершить... К примеру, человека из горящего дома вынести, утопающего спасти, или, на худой конец, хотя бы старушку через дорогу перевести... А по-

том не спеша, медленно так, с достоинством, мимо девушек пройти. Пройти, чтобы она заметила...

Молодой человек оглянулся вокруг в поисках объекта спасения, но в парке все было тихо и спокойно: дети катались на лошадках, рядом на скамейках мирно беседовали их мамы и те же бабули, но никто из них не горел, не тонул и, тем более, никто не собирался бросаться под колеса машины.

«Да, не густо... Видать, подвиг сегодня в пролете», – почесал затылок несостоявшийся герой, еще раз разочарованно оглядывая отдыхающих, и вдруг кто-то потянул его за ногу – маленький ушастый пацан одной рукой дергал Богдана за штанину, а другую, липкую и грязную, тянул кверху:

– Дядя, а дядя, у меня рука слиплась, помой, пожалуйста, не то мамка уши надерет!

С одной стороны, жалко мальчонку, а с другой, времени в обрез, но малец так умоляюще тряс ладошкой, что пришлось тащить его к фонтану. Через несколько минут с пареньком все было в порядке, зато красавица с косами, словно сквозь землю провалилась. Разочарованный произошедшим, он молча поплелся в часть.

Ночью Богдану приснился сон, будто идет он по улице, а перед ним – русоволосая девушка. Он ускоряет шаг, чтобы догнать незнакомку, но та, игриво махнув на прощание косами, снова бесследно исчезает.

Неделя прошла, как на взводе – и секунды не было, чтобы он не думал о девушке, тем более, до дембеля оставалось

совсем ничего – чуть больше недели.

Еле дождавшись следующего выходного, Богдан решил во что бы то ни стало найти зазнобу. Целый день он бродил по аллеям парка, каждый раз кидаясь в сторону девичьего сме-ха, но тщетно. К вечеру, за несколько минут до окончания последней увольнительной, потеряв всякую надежду и запыхавшись от быстрого бега, он заскочил в чепок.

– Теть Галя, налейте стаканчик газировки! – крикнул на ходу, вытаскивая из кармана мелочь, и тут же поправился. – Пожалуйста!

Из двери подсобки донеслось степенное:

– Во-первых, здравствуйте, молодой человек!..

– Здравствуйте! Вы?..

В кармане зазвонил телефон. Богдан прижал трубку к самому уху и даже немного присел, чтобы лучше слышать звонившего.

– Бодя, родненький, что там у вас творится? Радио и телевизор с самого утра разрываются от сообщений о нападениях на демонстрантов! Вас, что там, бьют? По вам стреляют? Скажи мне, Богдан, скажи, я должна знать! А ещё лучше – брось ты эту затею, езжай домой, дорогой, чует мое сердце – не к добру это!..

Трубка продолжала что-то кричать голосом жены, требуя немедленного возвращения, но он уже ничего не слышал – рядом медленно оседал его односельчанин...

А дальше все происходило, будто в другой реальности:

упал, переворачиваясь в воздухе, телефон, уплыли в темноту силуэты людей, недавно стоящих вокруг, а вместо них, словно в старых фильмах про войну, появились вспышки от разрывов бомб, глубокие воронки в земле, горящие здания, протянутые из огня руки... И над всем этим – невыносимый смрад, и трупы, трупы, трупы... Горы трупов – взрослые вперемишку с детьми, с оторванными руками, ногами, обожженные, утыканные осколками снарядов, залитые кровью... Горы трупов, облепленных жирными зелеными мухами...

Так же неожиданно, как и появилась, картинка исчезла. Богдан очнулся. В голове стояла гулкая пустота, будто все содержимое из нее вынули, осталась лишь оболочка. Он оглянулся по сторонам – вокруг него бесновалась толпа. В каком-то диком экстазе люди высоко подпрыгивали, размахивая руками и широко открывая при этом рты...

«Почему нет звука? Что происходит?» Богдан перевел глаза дальше, нашел сцену... На ней тоже прыгали, дергались немые люди с искаженными ненавистью, застывшими, будто уродливые восковые маски, лицами. Неожиданно звук включился, и послышался невероятный рев нескольких тысяч глоток, в котором с трудом можно было разобрать: «Хто не скаче, той москаль!.. Хто не скаче...»

По спине ручьями сбегал холодный пот, пустота в голове наполнилась гнетущим чувством опасности, а во рту появилось неприятное ощущение, напоминающее смешанный вкус крови, дыма и еще... Было что-то еще... Что-то неуло-

вимое, ускользающее, остающееся за гранью сознания... Это «что-то» нельзя было объяснить, нельзя было назвать, но именно его не хватало, чтобы сложилась полная картина происходящего. Мысли на этот счёт у него отсутствовали, да и вообще голова тупо отказывалась думать.

Внезапно просто под ногами зазвонил телефон. Богдан автоматически наклонился, провел по брусчатке рукой, но вместо зудящего аппарата рука коснулась чего-то липкого, неприятного, а потом, как вспышка, появился постоянно исчезающий элемент – запах смерти...

Он ещё раз посмотрел вокруг, но увиденное только усилило чувство тревоги и опасности, исходящее от окружающих его людей. Ему вдруг стало страшно, до жути страшно, будто он оказался один посреди ночи на кладбище... Или там, где он совсем недавно был...

Если бы он знал тогда, если бы он мог предположить, чем закончатся невинные, казалось бы, «скачки» на Майдане, объединившие несоединимое настоящее и разъединившие соединенное несколько веков назад... Если бы он знал, что всего через несколько месяцев его сны, его кровавые видения, наполненные ужасом и кровью, напоминающие бессмысленный бред, начнут сбываться наяву, а запах смерти будет преследовать его, сопровождать каждый его шаг... Если бы он знал!..

А пока что события в центре Киева напоминали скоростной калейдоскоп, уследить за которым не было возможно-

сти – возникшие из ниоткуда автомобильные покрывалы, бутылки с коктейлем Молотова, люди, прячущие лица под балаклавами... Прежде мирный, Майдан сейчас был похож на возмущенный муравейник – все куда-то бежали, спешили, сутились, кричали, требовали...

На первый взгляд, все происходило непроизвольно, спонтанно, но, приглядевшись, Богдан увидел четкий порядок, как и подобает муравьиному жилищу: люди-муравьи послушно двигались в установленном направлении и так же послушно выполняли работу, навязанную им людьми в ярко-красных куртках, которые, в свою очередь, действовали больше личным примером, чем приказами.

Вот один из этих людей, стоящий в нескольких шагах от первой линии «Беркута», словно гипнотизируя, обвел глазами толпу, медленно наклонился, поддел брусчатку продолговатым предметом, завернутым в грязную тряпицу, так же медленно поднял вывернутый камень и, по-хозяйски вытерев его левой рукой, бросил в безоружных милиционеров. Попав в щит, камень издал сухой звук, схожий со звуком выстрела, и отлетел от металла, никого не задев, но парня в красном это не остановило – он снова наклонился, взял следующий и снова бросил.

Его безмолвные действия тотчас нашли отклик у митингующих, и уже через минуту одни жители Майдана, выстроившись подвижной человеческой цепочкой, бодро разбирали мостовую, складывая столетнюю брусчатку на кучки, а

другие с невероятной скоростью бросали её в живой щит из правоохранителей.

Скоро звуки ударов превратились в бесконечную канонаду, а громкие крики и стоны «беркутят» от попавших в них булыжников только раззадорили бросающих. Вся не востребованная ранее энергия Майдана с жадной жестокостью тут же удвоилась. С перекошенными нечеловеческой злобою лицами и невидящими, будто пустыми, глазницами недавние мирные демонстранты превратились в зомби из американских фильмов ужасов. Не чувствуя боли в разбитых руках, с тупым упрямством они вырывали камни у себя из-под ног и бросали их, бросали, бросали, бросали...

Вслед за брусчаткой в милицию полетели файеры, за ними – бутылки с зажигательной смесью. Богдан увидел, как живые люди на его глазах превращаются в пылающие факелы, а озверевшая толпа ревет от восторга. Стало страшно от одной только мысли, что за первой кровью последует продолжение кровавого банкета, и затем, почувствовав безнаказанность, люди не смогут остановиться. Тогда все. Тогда, пиши, пропало...

Лишь под утро Богдан смог добраться до палатки, чтобы немного прилечь. Голова гудела, словно встревоженный улей, напрочь отказываясь переваривать происходящее. Кажалось, что прошли не сутки, а годы. Неожиданное превращение сонного, вялого Майдана в жестокое побоище пугало своей непредсказуемостью, а еще пугала реакция людей,

безропотно выполняющих приказы сотников, но думать об этом сейчас не хотелось, хотелось побыстрее лечь и уснуть.

В палатке было тепло. Все остальное уже давно не имело значения – ни тяжелый смрад доброго десятка пар заношенных носков, смешанный с запахом немых тел и табака, ни засохшие остатки еды на грубо сколоченных ящиках, служивших обеденным столом, ни продавленные доходящие матрасы, прикрытые грязным подобием постельного белья и армейскими одеялами.

Богдан опустился на кровать. В темном углу на противоположной стороне что-то зашевелилось, раздалось хихиканье, а затем высокий женский голос капризно произнес:

– Зая, дорогой, ты меня окончательно замучаешь... Отдохни чуток, мы же никуда не торопимся?!

Сказано это было громким шепотом, рассчитанным больше на только что пришедшего соседа, чем на «заю», но ответной реакции не последовало – мужчина мягко завалился на кровать и, едва коснувшись постели, захрапел.

Проснулся Богдан от острого желания пить. Пошарил рукой в поисках пластиковой бутылки с водой, хлебнул, не вставая с постели. Теплая застоявшаяся жидкость только усилила жажду. Он брезгливо отбросил в сторону бутылку, вынул сигареты и тут же, не выходя из палатки, прикурил. После второй затяжки немного попустило. Все тело немилосердно ломило, будто по нему проехали катком. В голове продолжали крутиться обрывки странного сна, напоминаю-

щего, скорее, бессмысленные фантазии больного воображения.

Он обхватил руками голову, потер виски. Это помогло малость сосредоточиться: «...Костив... Костив... Костюшко... Костюшко Богдан? Так это же я... Это я!..»

Воспаленный мозг возобновил сопротивление, но лед уже тронулся, в голове немного прояснилось, а в памяти возникли жуткие картины.

Снилось ему, будто идет он по кладбищу. Сам идет. Один. Вокруг – тишина, безграничная зловещая тишина, от которой кровь стынет в жилах и хочется бежать, куда глаза глядят, не останавливаясь. По обе стороны от него – кресты. Много крестов. Больших и малых...

Неожиданно памятники куда-то исчезают, а вместо них появляются светящиеся кубы. Все они – правильной формы, одинаковых размеров, выстроены ровными рядами.

Приглядевшись, Богдан замечает, что кубы ничем не закреплены, они будто парят в воздухе, не касаясь земли, а грани их мелко исписаны именами и фамилиями. Напротив фамилий – только дата. Одна. Дата рождения. Траурно-черные надписи сделаны со всех сторон. Четко. Под линейку. Строго по алфавиту:

- Костив Илья...
- Костив Юрий...
- Костюшко Богдан...

На одной из сторон куба третьим был он.

Конечно, можно допустить, что это – простое совпадение, что в списке не он, а его однофамилец, что... Да мало ли что! Но совпадало все – имя, фамилия, отчество, число, месяц, год рождения. Что бы это значило?..

Внезапно дверь в палатку приоткрылась, вошел незнакомый человек.

– Костюшко? Богдан Зиновьевич?

– Да! – неожиданно быстро, по-военному, выпрямился, отвечая.

– Вольно, – одними глазами одобрительно улыбнулся незнакомец. – В хорошей форме. Приятно. Тем более приятно иметь дело с умным человеком. Меня зовут Петр Васильевич. Можно просто – Петро. На данный момент я набираю сотню. Мне нужны образованные, надежные люди. Сбор в двадцать два, ноль, ноль.

И, пресекая любые вопросы, странный гость круто повернулся и пошел к выходу. Закрывая входное полотнище, не оборачиваясь, он вскользь обронил, будто поставил точку:

– Не беспокойтесь, вас найдут.

Богдан посмотрел на часы – десять утра. До встречи – ровно двенадцать часов. За это время нужно многое успеть. Он оглянулся вокруг. В палатке было пусто, и только груды смятого грязного тряпья и затхлый кислый запах напоминали о недавнем пребывании в ней людей.

«Пресвятая Богородице, что я здесь делаю? За что можно бороться, опустившись до такого уровня, до уровня вокзаль-

ного бомжа?» Визит незнакомца подействовал на него, как ушат студёной воды, мысли снова обрели былую четкость, но безотчетная тревога уже не покидала его сердце.

Вчера, в первые минуты противостояния, когда в ход пошли файеры и коктейли Молотова, прямо перед ним из дыма двое парней в балаклавах выволокли третьего. Тот был без сознания, одежда на нем еще дымилась. Ребята молча бросили своего товарища под ноги Богдану, а сами убежали обратно. Пришлось ему тянуть раненого в Киевсовет, где, по словам митингующих, именно для таких целей оборудовали госпиталь.

Увидев обожженного, доктор сразу же принялась резать на нем одежду, и ему ничего не оставалось, как помогать ей. Потом принесли еще одного с ожогами, за ним – раненого, с самым настоящим огнестрельным ранением, а вслед за раненым изуродованные и покалеченные протестующие потянулись непрерывной цепочкой, так что он быстро сбился со счета. Довелось всю ночь напролет провести в импровизированном госпитале подручным у врача – он бинтовал кровоточащие ладони, накладывал шины на сломанные конечности и даже на свой страх и риск, руководствуясь исключительно интуицией, вправлял вывихи.

Ольга, главная в медчасти, приняла Богдана за своего, и без зазрения совести помыкала им да покрикивала, когда что-нибудь не получалось.

Возможно, если бы не она, совершенно не похожая на

остальных демонстрантов интеллигентка, он бы давно ушёл из госпиталя, но Ольга – хрупкая, деликатная аристократка, из тех, кто по-праву принадлежит к сливкам нации, к её элите, не считала ниже своего достоинства помогать немытым, дурно пахнущим простолюдинам, работая наравне со своими добровольными помощниками.

Уже под утро, в курилке, отстранённо взглядываясь куда-то внутрь себя, она произнесла:

– Страшно это... Страшно, когда люди убивают друг друга. Неправильно это, не по-человечески.

Женщина затянулась сигаретой, крепко, по-мужски, и вместе с дымом выдохнула:

– Все. Идите отдыхать. Чувствую, завтра дел поболее будет. Силы надо беречь...

Богдан посмотрел на часы, но спрашивать, когда наступит это завтра, не стал.

На улице, со стороны Грушевского, тянуло жженой резиной и бензином. Вместе с густым запахом гари оттуда брели мрачные тени уставших борцов за свободу и демократию, страшных в своей угрюмой обреченности и отчаянии, а ведь по большому счёту у многих этих людей была уже практика революций, ещё и десятка лет не прошло со времён первой, Помаранчевой.

...Первый блин оказался комом, да таким огромным, что одним махом накрыл собою все ожидания людей на лучшую жизнь и заживо похоронил их сокровенные мечты, а сама

жизнь потихоньку начала скатываться в бездонную яму, унося с собою промышленность с рабочими местами, бесплатную медицину с таким же образованием, социальное обеспечение вместе с социально незащищенными и все остальное, что ещё оставалось на плаву после развала Союза.

Как-то само по себе случилось, что клятвенные обещания майданной оппозиции отошли на задний план, как только оппозиция стала властью, а вместе с обещаниями ушла в небытие и ответственность за их выполнение. В обиходе появились новые слова – приватизация и ликвидация, значение которых народ узнал не из толковых словарей, а испытал на собственной шкуре. Оказалось, что слова эти – близнецы-братья, и означают они отсутствие работы, пустые прилавки магазинов и полки домашних холодильников, а ещё – хроническую головную боль и жирный знак вопроса на будущем детей.

Сначала приватизация, а затем ликвидация родного предприятия не обошли стороной и Богдана, поставив крест на всех его планах и мечтах. Он никогда не забудет, как несколько часов подряд кружил возле дома, подбирая слова, чтобы сообщить своим четверым женщинам, что он, их единственный кормилец, уже безработный.

Положение спасла мама. Без всяких проволочек и обсуждений, в одностороннем порядке, она решила:

– Жить будете у меня, городскую квартиру сдадим – и вам будет сподручнее, и мне веселее.

Так они стали сельскими жителями. Шли годы. Менялась власть. Неизменным оставалось только её отношение к народу. Второй Майдан был неизбежен. Когда же это произошло, давно уставший от безденежья и временных заработков от сезона к сезону, Богдан решил ехать в Киев.

Домашние сразу же восстали. Наталья в самых резких тонах обрисовала сомнительные достижения предыдущего Майдана и назвала мужа наивным; старшая дочь, Татьяна, изучающая право, была против, как абсолютная поклонница Закона; а мама жаловалась на никудышнее здоровье. Зато Ксюшенька, младшенькая, его любимица, по-хозяйски рассудила:

– Папа съездит на денёк, всё узнает и вернется. Правда, папа?

Поездка затянулась почти на два месяца. Многодневные бдения понемногу сгладили острый дефицит большинства благ цивилизации, и то, что вначале его чрезвычайно смущало или вызывало моментальное отвращение, со временем превратилось в обыденность, но Богдан прекрасно понимал, что отсутствие возможности помыться и поменять белье в ближайшем будущем скажется на его здоровье.

Так и случилось, и даже раньше, чем он ожидал – уже первая неделя съела все запасы чистой одежды, невымытое тело невыносимо зудело, а от ежедневного бритья возле таза с ледяной водой на лице появилась сухость и раздражение.

Вот тогда и услышал Богдан от соседа по палатке, что

некоторые демонстранты ходят мыться к киевлянам, проживающим рядом, на Крещатике. В ответ он посмотрел на дома, напоминающие неприступные крепости, на занавешенные непроницаемыми шторами окна, и скептически улыбнулся: «Кому нужны грязные попрошайки? Смотри, как Киев отгородился от Майдана, будто вымер, ни одна занавеска не шелохнется».

Но зуд – не тетка. Через неделю, еще маленько поколебавшись, Богдан решился, наконец, попытать своего счастья. Он долго бродил по Крещатику, выискивая дом попроще да понеприметнее, потом так же долго сидел на скамейке возле чужого подъезда, прижимая к груди узелок с последней парой чистого белья и выжидая хоть какую-нибудь старушку, готовую помочь «борцу за независимость страны».

Увы, труды его оказались напрасными – то ли на улице было слишком холодно для прогулок, то ли в доме не проживали люди пожилого возраста, но за час его томительного ожидания никто из них так и не появился во дворе. Мало того, за это время вообще ни одна живая душа не выходила и не заходила в подъезд дома, казалось, словно в нем совсем никто не обитает. Вот тебе и счастье.

Вконец расстроенный, Богдан уже поднялся, чтобы возвращаться на Майдан, когда будто кто-то толкнул его к дверям. Рука сама потянулась к домофону, нажала несколько кнопок наугад и вызов. И еще больше удивился мужчина, когда в ответ на его неловкое покашливание, там, внутри до-

ма, тут же откликнулись: «Бодя? Заходи, дорогой, дверь открыта».

«Мистика», – думал львовянин, не имеющий ни одного знакомого в столице, поднимаясь на второй этаж. Дверь в квартиру действительно была открыта. Он зашел в просторный коридор. Высокие потолки, массивные дубовые шкафы, изящно изогнутые ручки семейных зонтов, огромное зеркало в резном деревянном багете, сделанное, по всей видимости, под заказ – все предельно просто и зажиточно.

– Раздевайся, проходи, дорогой. Как хорошо, что ты сегодня раньше пришел, – раздалось из глубины квартиры. – Нам как раз помощь твоя нужна. Я сейчас...

Богдан снял обувь, скривился – в нос ударила вонь давно не стиранных носков. Снял куртку, пропахшую дымом кофров и покрышек, аккуратно сложил её, пристроил на полу возле ботинок, потом пригладил волосы и остановился в нерешительности, не зная, что делать дальше.

– Вы кто?

В дверном проеме стоял пожилой человек с шипящей яичницей на тяжелой чугунной сковородке в руке. По виду ему было лет за семьдесят. Он вяло, как-то обреченно, махнул рукой и устало произнес:

– А-а... Случилось...

Что именно случилось, мужчина не объяснил, но было понятно, что появление Богдана он воспринял с какой-то неизбежной безысходностью.

– Заходите, молодой человек. Располагайтесь. Будьте, как дома. Что вам показать? А-а... Да что там показывать – сами найдете... Только прошу вас – не испугайте её, – мужчина снова обреченно махнул рукой и ушел.

Ситуация была, вне всякого сомнения, непонятной. Вслед за хозяином Богдан прошел в комнату. Закрытые плотные шторы создавали в помещении полумрак. Остро пахло лекарствами. На разложенном диване лежала пожилая женщина. От скрипа половиц её глаза широко распахнулись.

– Богдан? Мальчик мой, как я по тебе соскучилась!

«Снова это «Богдан», откуда?»

– Здравствуйте. Извините, пожалуйста...

– Вы кто? Где мой племянник? Саша! Сашенька!..

Женщина закричала, сделала попытку встать, но сразу же упала, едва не свалившись с дивана. К ней тут же бросился муж. Он мрачно посмотрел на незваного гостя и принялся укладывать больную поудобнее.

– Успокойся, дорогая, все в порядке... Успокойся... Я здесь, я рядом, успокойся...

Женщина обессиленно затихла, но продолжала цепляться за руку мужа, а тот укоризненно вздохнул:

– Я же просил... Э-э, да что там просить, когда за окнами такое творится... Вы что же молчите, молодой человек? Давайте хоть познакомимся. Меня Сашей зовут, Александром Израилевичем, как ни странно это звучит, – мужчина горько улыбнулся. – А это – жена моя, Ниночка. Нина Ивановна.

Мы вообще-то племянника ждали – его уже несколько дней не было, беспокоимся, и телефон «вне зоны», а тут – вы...

– Вы извините меня, Александр Израилевич, за вторжение. Я не хотел вас напугать. Понимаете, я тут... я... – Богдан чувствовал себя провинившимся школяром. – Я помыться пришел... То есть, я хотел попросить вас... Попросить... разрешить... мне...

Он совсем запутался, что-то неловко мычал в свое оправдание, а двое старых людей, не давая ему ни малейшего шанса, осуждающе смотрели не мигающими глазами, заглядывая, кажется, в самую душу, да так, что оставалось только повернуться и убираться восвояси.

Борец за свободу страны неожиданно понял, что у свободы есть ещё одна сторона, противоположная, другая, и его визиту в этом доме совсем не рады. Процесс одевания занял не больше минуты, но этого времени хватило, чтобы хозяева успели пообщаться.

– Молодой человек, вернитесь! Что же вы, так и будете чуждым ходить? – донеслось из комнаты. – Да и познакомиться не помешало бы – мы до сих пор не знаем, как вас зовут.

– Богданом меня зовут. Богдан Зиновьевич... Костюшко, – поправился гость с Майдана, с удивлением отмечая, как поднимается вверх правая бровь хозяина.

– Вот ведь как! Да вы, оказывается, тёзка двух непростых людей, Богдан. Как знать, как знать, к чему такое совпадение... Ну что же, приятно с вами познакомиться.

Ещё через час заношенная одежда Богдана крутилась в стиральной машине, а сам он, вымытый до скрипа, сидел за столом с хозяевами и пил чай. Точнее, за столом сидели мужчины, и чай пили только мужчины, а Нина Ивановна, удобно облокотившись на высокие подушки, внимательно слушала гостя, время от времени задавая ему вопросы.

Сначала Богдан чувствовал себя неловко, словно под рентгеном, или под микроскопом, но постепенно растерянность и смущение прошли, слова лились рекой, догоняя друг друга, а иногда и перегоняя, путались, наслаивались, но всё равно не успевали за мыслями, рвущимися наружу бурными потоками. В отличие от слов, мысли его были ясными и трезвыми. Ему даже казалось, что до сих пор они просто складировались в голове и впервые за сорок семь лет его жизни взбунтовались, требуя немедленного выхода.

– Ну вот, кажется, все.

В ответ не последовало ни вопросов, ни замечаний.

Возвращался на Майдан Богдан чистым, как после исповеди. Нет, он не изменил своим принципам, не изменил своим убеждениям, да никто и не просил его об этом, но сейчас все казалось немного другим, не таким основательным, как прежде. А еще... Еще появилось ощущение зыбкости, зыбкости и фальши происходящего.

Он оглянулся окрест, увидел дымящиеся костры посреди площади, посреди когда-то величавой главной площади страны, копошащихся вокруг них мелких суетных челове-

ков, и вдруг ему захотелось развернуться на сто восемьдесят градусов и бежать, бежать обратно, бежать в чистую, теплую квартиру с запахом лекарств и жареной яичницы, бежать к двум немощным, больным старикам за помощью, за защитой. Богдан остановился в растерянности, не зная, что делать, куда идти...

– Бодя? Ты чего такой бледный? Что-то случилось? С детьми все в порядке? С Натальей?.. Может, с пани Ядвигой недоброе произошло? – его сосед, Вадим, с участливым видом пытался узнать причину паники, слишком явственно проступавшей на лице Богдана.

– Да нет, все нормально. Спасибо, Вадим, – очнулся Богдан. – И с родными, слава Богу, все в порядке.

– Вот и ладненько, а то я запереживал. Так что же мы стоим? Там народ к сцене подтягивается, обещали «Океан Эльзы» подвезти! Да и Руслана сегодня в форме – во, как соловьем заливается! Зацени!..

«Океан Эльзы» – это, конечно, здорово, ему нравилось слушать их песни, неторопливые и мудрые, как само время. Хорошо пели ребята, душевно, поэтому, наверное, и нравились не только жителям западных областей, но и всей Украине без исключения.

Нравился и сам Святослав Вакарчук – умный и не по годам степенный. Ходили, правда, слухи, что на прошлом Майдане он напел своему отцу должность министра образования, но, по мнению самого Богдана, все это от зависти, лю-

дям рот не закроешь, поговорят, да и успокоятся.

Старший Вакарчук, Иван Александрович, действительно, после Помаранчевой революции возглавил министерство образования, но удивляться тут нечему – до этого он долгие годы был ректором Львовского университета. И образование подходящее имел, и опыт работы – не с улицы ведь в министерство пришел.

Да и самому Святославу никто не закинет, мол, таланта у него нет, слушать его – одно удовольствие, тем более, занимается человек тем, что знает и умеет, в политику не лезет.

Не чета ему Руслана – постоянно нервная, дерганая и вечно сердитая, будто ей весь мир должен. Да и странновато как-то выглядит, когда молодая женщина с перекошенным от злобы лицом исторгает из себя проклятья в адрес других людей. Неприкаянная она какая-то, заблудшая. И с депутатством у нее не сложилось, однако. Кажется, что же здесь трудного – сиди себе в тепле-добре, только зарплату успевай получать, ан, нет, не срослось. Теперь, поговаривали, за должность министра культуры старается.

К сцене мужчины подошли уже во время исполнения гимна. Пели все. Хором. С придыханием. С восторгом. Рука на сердце. Глаза на небо.

Неожиданно вспомнился фильм с Лайзой Минелли. «Кабаре», кажется... От невольного сравнения Богдана бросило в пот. Он виновато оглянулся, будто его только-что поймали с поличным на чем-то постыдном. Что с ним? Неужели он

разочаровался в Майдане? Нет, здесь, в Киеве, совсем не то, что в фильме! Там, в далеком тридцать третьем, в Германии, фашизм был, а на Украине... А на Украине – борьба народа за свои права, справедливая борьба, мирная...

Короткий спич Вакарчука, за ним – выступление «Океана Эльзы» и лидеров оппозиции понемногу успокоили мятущуюся душу галичанина, а уже к вечеру он совершенно забыл прежнюю крамолу. Вернулась к Богдану и былая уверенность в силу Майдана, в его справедливость, в непогрешимость его истин и идей, да и как не верить, если у людей осталась последняя надежда изменить страну, последняя возможность заставить власть повернуться лицом к народу...

Тогда, месяц назад, все было по-другому, ясно и понятно, без лишней суеты и лжи... Да, это было так давно – целый месяц назад, но именно с тех пор несколько раз в неделю спешил он в уютную квартиру на Крещатике, где за сомнительной защитой тонких кирпичных стен жили два старых мудрых человека. Там его не спрашивали о затянувшемся митинге, не надоедали расспросами о политике, о патриотизме, не спорили об убеждениях и не пытались убедить в обратном. Там просто жили, и были ему рады – он видел это по глазам.

Вот и сегодня путь его прежде всего лежал на Крещатик – не хотелось вечером, на встрече с Петром Васильевичем, выглядеть грязной невежественной деревенщиной, да и по

знакомым своим он соскучился, тем более, Нина Ивановна в последнее время неважно себя чувствовала.

Возле нужного ему подъезда стоял длинный крытый грузовик, из которого рабочие выгружали ящики с мебелью. Обе створки входных дверей были открыты настежь. Обрадовавшись, что не надо никого беспокоить, Богдан буквально вылетел на второй этаж. Он уже подходил к квартире Александра Израилевича, когда тихонько скрипнула, приоткрываясь, соседняя дверь, и оттуда показалась седая женская голова с указательным пальцем у рта.

– Ш-ш-ш, – неожиданно зашипела она и так же неожиданно исчезла.

Мужчина оглянулся – никого. Прислушался. Из квартиры глухо звучали голоса. Он прислонился ухом к двери, но разобрать, что говорили, не смог. Мелькнула мысль: «Может, племянник Нины Ивановны наконец нашёлся? Что ж, познакомимся». И вдруг он услышал женский крик. Не медля ни секунды, Богдан рванул в квартиру.

Кроме хозяев, в комнате было трое мужчин. Один из них держал на прицеле пистолета Александра Израилевича, второй – за руку лежащую на диване Нину Ивановну. Третий мужчина, почему-то в двух очках сразу, бледный, как лист бумаги, трясущимися руками подсовывал женщине какие-то документы.

Мгновение – и пистолет оказался в руках Богдана, двое неизвестных – на полу, а плешивый мужичок, не успев со-

образить, что же происходит, продолжал тыкать бумаги Нине Ивановне. «Вот оно – то самое «случилось», о котором говорил во время первой встречи Александр Израилевич, – мелькнуло в голове. – А я-то, дурень этакий, не понял, что он имел ввиду!»

Через несколько минут, когда непрошенные гости, крепко связанные бельевыми веревками, лежали на полу, а их подельник – допрошен и отпущен восвояси, хозяйева квартиры во всех подробностях рассказали о случившемся. У Богдана от ужаса зашевелились волосы на голове, он представил себе, что произошло бы, если бы сегодня он не пришел.

Незванные гости практически обыскали весь дом, собрали все ценное – деньги, ювелирные изделия, шубы, не забыв при этом про теплые вещи и продукты, и сейчас все это добро бесформенной кучей лежало посреди комнаты на покрывале.

Но самым странным и самым страшным оказалось присутствие в этой воровской компании настоящего киевского нотариуса с бланком самой настоящей «дарственной» на квартиру, в которую оставалось вписать только нужные данные.

Мужички были мелкими, неказистыми, но пистолет в руках одного из них круто менял суть дела. Десятки подобных этим людям рыскали по Майдану. Они не слушали выступлений депутатов, не пели гимн, не кричали «Слава Украине!», они играли свою игру, отдельную от политики. А еще

без зазрения совести выполняли мелкие поручения местных сотников, не гнушаясь особо деликатных – избить, запугать, заставить, иными словами, «направить на путь истинный». Все эти услуги, как правило, хорошо оценивались и без промедления оплачивались, так что число уголовников на Майдане быстро росло.

В квартире Александра Израилевича «гости», скорее всего, появились не случайно, а под чьим-то чутким руководством. Не так давно Богдан сам слышал, что о жильцах близлежащих домов на Майдане собирают информацию. Один знакомый даже похвастался, кивая на сцену: «Эти по-крупному бреют, с размахом, а мы – по-мелкому, но надежно, на хлеб с маслом хватает. Молодежь не трогаем – мало ли что, а вот старье... Старье уже нажилось, набарствовалось, пора и на покой...»

Богдан тогда не оценил его слова по достоинству, а надо было бы. Возможно, будь он раньше более сообразителен, не случилось бы то, что случилось сегодня, а, с другой стороны, если бы знал, где упадешь...

Связанные мужики ничего, кроме брезгливости, не вызывали, поэтому, забрав пистолет, он отпустил и их. Александр Израилевич долго вздыхал, будто сомневался, рассказывать, или нет, своему молодому другу последние новости. Потом собрался с духом:

– Знаешь, Богдан Зиновьевич, тут бабки в подъезде шепчутся... Не знаю, может, правда, а, может, брехня, но люди

судачат, что ваши с Майдана не только привороживают по квартирам, но и...

Пожилой человек снова замолчал, подбирая подходящие случаю слова.

– Да что тут говорить, пропадать люди стали, Богдан. Такие, как мы с Ниной, старики... Никому не нужные старики... Эх, времена настали! И не пожалуешься ведь никому, не поверят... Мы тут вот что с Ниночкой подумали... Даже не знаю, как сказать. Ну, может, ты согласишься у нас пожить, пока здесь находишься? И тебе удобнее будет, и нам сподручнее.

Александр Израилевич тоскливо заглянул Богдану в глаза:

– Не хочется как-то на помойке гнить, не заслужили мы этого...

Уходил Богдан от своих знакомых неохотно. Покоя не давали последние слова Александра Израилевича, тем более, что после вчерашних событий на Грушевского гарантий на мирное разрешение Майдана уже не было...

За пять минут до назначенного утренним гостем времени, в палатку заглянул Вадим.

– Так что, прошвырнемся немного?

– Куда? Да и встреча у меня, не могу сейчас.

– Вот-вот, я и говорю – встреча, – твердо подчеркнул односельчанин, после чего у Богдана исчезли все вопросы.

В Доме профсоюзов царила деловая атмосфера. Люди

сновали туда-сюда, как в муравейнике. Сразу стало ясно, что Вадим был своим в этой тусовке. Знал его и Петр Васильевич, пригласивший на встречу Богдана.

– Вот это приятно, – вышел он из-за стола, подавая руку прибывшим. – Сейчас народ подойдет, присаживайтесь.

Народ, действительно, начал подтягиваться. Серые хмурые лица осторожно смотрели на новичка, будто ощупывая его. Заметив это, Петр Васильевич представил его:

– Знакомьтесь, Богдан Зиновьевич, наш человек, львовянин. Надеюсь, у нас все сложится. Не так ли, Богдан Зиновьевич?

Бровь старшего вопросительно поднялась, а жесткий взгляд буравил душу, требуя немедленного ответа. Словно под гипнозом, Богдан сказал:

– Я? Конечно... Я не подведу.

Присутствующие разом выдохнули. К нему потянулись руки – то ли для поздравления, то ли для приветствия. Дальше всё происходило очень быстро. Вкратце обрисовав ситуацию в стране, Петр Васильевич начал давать задания на следующий день. Разошлись через полчаса. Каждый уходящий привычно брал со стола увесистый пакет, аккуратно завернутый в коричневую оберточную бумагу. Интересоваться, что это, для кого, Богдан не стал.

А на улице вовсю бушевала революция. Со сцены звучали настойчивые призывы защитить страну от вмешательства России. Другие лозунги уже давно потеряли свою актуаль-

ность и отошли на задний план.

На следующий день после полудня ему позвонила Наталья:

– Богдан, срочно приезжай – маме плохо.

Дорога заняла почти всю длинную зимнюю ночь. И большую её часть он пролежал на верхней полке плацкарта, ни с кем не общаясь. Хотелось отдохнуть, собраться с мыслями, понять, что дальше делать и как жить. А ещё из головы его не шёл вопрос, что будет с новыми его знакомыми?

Сейчас, на расстоянии, он ничем не сможет им помочь, а племянник Нины Ивановны, его тёзка, за месяц так ни разу и не объявился. Богдан вспомнил тоскливые глаза Александра Израилевича, когда тот узнал, что их друг с Майдана вынужден возвращаться домой, и его последние слова: «В жизни, Богдан Зиновьевич, у каждого своя дорога, и мы благодарим судьбу, что наши с тобой дороги пересеклись. Пусть ненадолго, на короткое время, но это были, поверь, приятные минуты. Даст Бог, ещё придется свидеться. Здоровья матушке и всем твоим родным».

Поезд прибыл на станцию рано утром, а еще через час, поздоровавшись с Натальей и детьми, он вошел в комнату матери.

Мама лежала с закрытыми глазами, прямая, как натянутая струна.

– Вот так и лежит третий день. Лежит и молчит, – шепотом рассказывала встревоженная жена. – В воскресенье из

церкви пришла, уставшая, бледная. «Наталья, – говорит, – позвони сыну моему, скажи, пушай домой едет». Легла после этого. Третий день лежит, не ест, не говорит, воды вот только попросила... Может, доктора позвать, как ты скажешь?

– Не шепчись, Наталья, это неприлично, я не бревно, живой человек. Жива пока, так что, пожалуйста... И доктора звать не надо, – все еще с закрытыми глазами громко произнесла лежащая. – Не болеть я собралась, дорогая, а помирять. Время пришло.

– Да...

– Не перебивай, дочка, – мама открыла глаза, строго посмотрела на Богдана. – Приехал? Хорошо. Нечего по столицам шляться. Что ты там забыл? Не твое это дело – политика. Иди, умойся с дороги. Потом придете. Сейчас я отдохну. Устала.

Сколько помнил себя Богдан, мама всегда была жесткой и бескомпромиссной, никому не давала спуска, всегда требовала неукоснительного выполнения каких-то правил, норм, законов, и контролировала это, начиная с себя. Соседи называли её не иначе, как пани Ядвига, и в глаза, и между собою, и побаивались её крутого нрава.

Единственный сын тоже не имел поблажек, но знал, что мама никогда не поругает и не накажет даром, без причины – пани Ядвига была до последней капли справедлива, и в людях ценила прежде всего справедливость. А ещё он помнил, как отчитав его за какую-нибудь оплошность, она всегда го-

ворила: «Чтоб жидким не был – ни душой, ни телом» или: «Когда ты родился, я поблагодарила Пресвятую Богородицу».

...Вернувшись из армии, недели две Богдан втайне от матери бегал на почту, чтобы позвонить в Краснодар, боялся ей признаться, что влюбился, как говорили во Львове, в москальку: кто знает, как мама отреагирует, а вдруг запретит общаться, с неё станет. Но шила в мешке не утаишь. Однажды вечером, тихонько пробираясь в свою комнату, он услышал спокойное:

– Таки люди не брешут.

Заикаясь от неожиданности и страха, глотая слоги и слова, несостоявшийся конспиратор принялся рассказывать о Наталье. Объяснение заняло минут пять, не больше, и Богдан даже ушам своим не поверил, когда услышал:

– И чего ты сиднем сидишь? Езжай за девушкой, коль обещался, нельзя людей обманывать, не гоже это, не по-человечески.

– Как? Ехать? А...

– Обыкновенно, поездом. Взять билет, сесть на поезд и ехать, – медленно, будто несмышлёнышу, объяснила мама ошалевшему от счастья сыну...

– Богдан, – в комнату зашла жена. – Мама хочет нас видеть. Я уже и девочек позвала.

Пани Ядвига лежала все в той же позе, что и утром, словно за день даже не двигалась с места.

– Собрались, – не то спросила, не то подтвердила она. – Буду кратка. Вы должны вернуться в город. Девочки уже взрослые, им общение надо. Обо всем мирском я уже позаботилась, вам осталось только батюшку позвать. Отца Василия не зовите – тяжкий грех на нем... Не гоже в храме господнем к насилию призывать. Бог с ним, с Василием, пусть живёт, отца Сергия попросите панихиду отслужить. Стар он уже, немощен, но и я не молодуха, так что друг дружке подойдём...

– Мама... – попыталась вставить слово Наталья.

– Не мешай, дочка.

– Но, как же так? При хорошем здоровье и ясной памяти...

– Наташа, – мама сделала ударение на имени снохи. – А ты бы хотела, чтобы я больной помирала?

– Но, мама...

– Девочки, будьте добры, оставьте меня наедине с сыном.

Пани Ядвига закрыла глаза. Казалось, что она уснула. Впервые в жизни Богдан видел маму слабой, более того, своего состояния она не стеснялась и не прятала.

– Устала я. Сил нету больше смотреть, что в мире творится... Будто все вместе с ума сошли. Богдан, возьми на столе письмо, после смерти моей прочитаешь, а сейчас уходи.

Вечером пани Ядвиги не стало. Панихида прошла тихо, без лишних слез и причитаний, сухо и сдержанно, как прежде жила усопшая.

После похорон Богдан позвонил Александру Израилевичу. Телефонную трубку подняли так быстро, словно звонка ожидали, сидя возле аппарата. Незнакомый мужской голос вопросительно произнес: «Здравствуйте, чем могу быть полезен?» Почти тут же из глубины комнаты послышался голос хозяина квартиры: «Бодя, кто там звонит?»

«Слава Богу, все в порядке. Племянник Нины Ивановны в обиду своих родственников не даст». Вместо ответа он молча положил трубку.

После поминального обеда Богдан открыл мамино письмо. Оно было написано четким почерком и содержало перечень обязательных требований ко всем домашним. Казалось, мама просто уехала на недельку-две, попросив поливать драцену и герань, кормить кота и не забывать о курочках.

Еще в конверте лежал ключ от шкатулки. Эту шкатулку, больше похожую на маленький чемодан, Богдан когда-то сам смастерил на уроке труда и подарил маме в день её рождения. С тех пор подарок занял почетное место возле швейной машинки, где стоял и по сей день.

Замок был совсем крохотный, почти миниатюрный, зато блестящий, не потемневший даже с годами. Он тихо щелкнул, открывая нутро шкатулки. Там царил невообразимый кавардак – катушки ниток вперемешку со шпульками и наборами иголок, ножницы, мелки, пуговицы, бусы, кусочки ткани, инструкции... Легче было назвать, чего там не было, чем было. Брови Натальи удивленно поползли вверх,

ведь большей аккуратистки, чем её свекровь, она в жизни не встречала, и увиденное в её святая святых было сродни шоку.

Среди всего этого бардака лежал старый, пожелтевший конверт. Памятуя о письме, Богдан вынул его содержимое: два сложенных листа бумаги разных времен, такую же давнюю фотографию и совсем свежую записку на вырванном из школьной тетради листе.

Читать начал с записки. «Дорогой сынок! Прости мне мои прегрешения перед тобою. Знаю, что рос без ласки, без любви, но что поделаешь, по-другому у меня не получалось...» У мамы был всегда предельно аккуратный, каллиграфический почерк, но сейчас буквы плясали, ложились в разных направлениях, будто писавший человек пребывал в волнении. Слезы застлали глаза Богдана. На мгновение ему показалось, что он беседует с мамой, просто беседует, как должны беседовать мать и сын. Прежде, при жизни матери, такое было невозможным.

Он продолжил чтение: «Не хочу быть прорицателем, но времена меняются, что-то нехорошее готовится в стране. Даже в церкви, в храме Господнем, призывают к войне. Богдан, спасай семью, не жди беды. Дом и квартиру продавайте. Уезжайте отсюда, сынок, Бога ради, уезжайте, прошу тебя».

Взял старую черно-белую фотографию. Повертел в руках. Мужчина на ней, как две капли воды, был похож на Богдана – то же лицо, нос, брови, широко поставленные глаза...

Наверное, мамин родственник. Развернул сложенный вдвое пожелтевший лист. На нем крупными, выцветшими от времени буквами был записан адрес. И город, расположенный на востоке страны, и фамилия автора записки были Богдану неизвестны.

Третий лист содержал имена потенциальных покупателей дома и квартиры, с адресами и телефонами. Мама, как всегда, была предусмотрительной. Прочитав письмо, решили сельский дом продать, самим возвращаться в городскую квартиру, а дальше, как Бог даст.

В городе было спокойно. Большая политика игнорировала периферию, сосредоточившись в основном в столице. Малым городам разрешалось довольствоваться только обедками с главного революционного стола, наблюдая за происходящим на Майдане по телевизору или в интернете. Такая перспектива его ничуть не огорчала, ведь при любом раскладе худой мир лучше доброй войны, но вскоре оказалось, что время не стоит на месте, и, в конце концов, отголоски протестов посетили и их безмятежную гавань.

О захвате областной госадминистрации Богдан узнал от своего соседа. Неестественно возбужденный, словно окрыленный, Николай с восхищением приветствовал происходящие в стране перемены и с нескрываемым восторгом рассказывал о новой жизни, которая, вне всякого сомнения, должна была начаться уже завтра:

– Ну, вот и мы дождались! Теперь покатит – не остано-

вишь! Надо менять!.. Все, к черту, менять!.. Надо жить, надо творить! Созидать!.. Надо гореть, а не дымить попусту! Надо в Европу, к людям, к настоящим европейцам, а не к восточным их аналогам! Только они могут нам помочь, только они научат, как нужно жить!

Коля нервно потирал руки, суетливо строил планы на будущее и уже видел себя европейцем – степенным немецким бюргером или франтоватым пижоном-французом, но пока-что своим видом и поведением больше был похож на задиристого воробья – мелкую птицу без рода, без племени.

–...А что?.. Нормально все! Да что нормально?! Превосходно! Подумать только – идём в Европу!

Сделав выразительную паузу, чтобы в который раз почувствовать всю важность предстоящего момента, Николай вполслуха произнес:

– Идём в Европу!

И даже пожевал, будто пробуя свои слова на вкус, прикрыв при этом глаза от удовольствия. Продолжалось его благодостное состояние ровно мгновение, стремительно сменившись театральной окрыленностью,

– Все! Баста! Назад возврата нет! Только не надо небылицы мне про лягушатников и макаронников рассказывать! Да чтоб попасть туда, я не только жаб, я кузнечиков согласен жрать... горстями, живьём... лишь бы взяли, лишь бы за своего приняли! Эх, засиделся я в этом болоте! – игриво потянулся сосед. – Засиделся! А там – жизнь ключом! Там

– фсё! Побыстрее бы, поживее, силы нету больше ждать и терпеть!.. Вот кто меня поймет! Вот кто в меня поверит! А я, поверь, способен пасту с пармезаном оценить!

После этих слов сосед украдкой оглянулся по сторонам и, наклонившись почти к самому уху Богдана, доверительно прошептал:

– Я так думаю, Богдан, если менять, то все сразу, целиком, в комплекте, так сказать, в комплексе. И ты меня не осуждай! Не надо! Не за что! Думаешь, я не заслужил? Не достоин? Да я... Да они... Эх, если бы ты знал!.. А я ещё ого-го! В силе ещё, при здоровье! Надьке с девками квартиру оставлю, не обижу... Как мужик! А сам!.. Ох, заживу я теперь! По полной заживу! Увидишь! Мне ещё многие будут завидовать!..

В течение следующего полчаса Николай, багровея и пых-тя, воинственно размахивал руками, доказывая свою несомненную важность и исключительность. Потом энтузиазм его понемногу пошёл на спад – то ли боевой дух иссяк, то ли доказательная база исчерпалась, и он уже совсем миролюбиво, но со значением, тыкая куда-то в небо указательным пальцем, произнес:

– Таких, как мы, ценить нужно! Чтобы потом не пожалеть!

На этом Коля, все ещё взволнованно подпрыгивая и подтягивая на ходу старое облезлое трико с пузырями на острых коленках, ушёл домой.

«Европеец...» – снисходительно думал Богдан, провожая взглядом возбужденного соседа и вспоминая его маленькую,

неказистую жену, больше похожую на серую мышку, работающую на двух работах, чтобы прокормить семью – трех девочек-погодков и «бесценного» и «исключительного» мужа-поэта, лет десять, не менее, пролеживающего диван в ожидании творческого вдохновения. По-видимому, и Надя вздохнет с облегчением, и квартира, помнится, тоже её, от родителей по наследству досталась, так что все будет нормально – семья без Николая не пропадёт.

Вечером по телевизору показывали захват администраций уже по всей Украине, а вместе с ними – МВД, СБУ, оружейных комнат, казарм... Как ни странно, во всех этих массовых беспорядках участвовали не только радикалы, но и футбольные фанаты, и вопросов, за что им хлопали на Майдане, у Богдана больше не возникало. А дальше, прав был сосед, как покатило, как понесло, остановить, действительно, было невозможно.

Как-то очень незаметно, с ходу, студенты перестали посещать занятия, поменяв лекции в университетах на воздвижение баррикад и заработки в качестве протестующей против власти массовки. В Киеве, на главной площади страны, по своим и чужим стреляли снайперы, на Грушевского, возле стадиона «Динамо», политые коктейлем Молотова, живьём горели бойцы «Беркута». В соседней области главу администрации приковали наручниками к сцене местного Майдана, и, поливая его холодной водой на февральском морозе, требовали стать на колени и извиниться за содеянное. Правда,

за что извиняться, ему не объяснили, тем более, работал человек на должности главы чуть больше месяца. Потом на дорогах страны появились блокпосты, а в городах – вооруженные отряды самообороны...

Пиком революции стал захват оппозицией власти и побег из страны президента, который не стал ждать для себя повторения судьбы Кадафи. Казалось, все, конец, победа! Оказалось – только начало трудного пути.

...«Минивэн» немилосердно трясло. Старая изношенная подвеска тяжело вздыхала на ухабах, обещая рассыпаться при первой же подвернувшейся возможности. Далеко позади остались горы, уютные местечки у их подножья, и маленькие села с домашними часовенками и статуями Божьей матери у дороги. Богдан без усталости крестился на святой образ, читал молитвы и просил у Святой заступницы мира для страны, для семьи, для всех, кого знал и встречал.

Через несколько часов поездки голова его распухла от запаха солянки и дорожной болтанки, потом на смену возмущению по поводу качества топлива и асфальта пришло полное оупение и безразличие. Сонно покачиваясь в такт движению машины, он отрешенно смотрел, как огни фар, время от времени подпрыгивая и мелко вздрагивая, медленно плывут в густой зеленой пелене, похожей на маслянистую воду реки из его детства.

Ему было почти двенадцать, когда лодка, раскачиваемая его разыгравшимся другом, неожиданно резко накренилась,

легла на борт, и, на мгновение застыв в воздухе, будто решая, в какую сторону упасть, тяжело рухнула кверху днищем, накрывая его своим весом. Он даже не успел испугаться, просто опускался на дно реки, удивлённо наблюдая, как в жирно-зеленой жидкости, напоминающей постное масло, лениво уползают вверх прозрачные воздушные пузырьки...

В чувство его привела очередная яма. После хорошей встряски сонливость как рукой сняло, и мысли его сосредоточились на насущном. Вчера глубокой ночью позвонила Наталья, сообщила, что они благополучно пересекли границу. Богдан посчитал это добрым знаком, по привычке поблагодарил Святую покровительницу, и приготовился ждать от родных новых известий.

Устроившись поудобнее на сиденье, он ещё раз перебрал в памяти свои последние шаги перед отъездом из дому, вспомнил добрым словом соседку, согласившуюся присматривать за квартирой, в который раз похвалил себя, что сообразил перенести к ней цветочные горшки и пристроить кота... Воспоминания действовали усыпляюще, и, чтобы не уснуть, он переключил внимание на своих попутчиков.

В машине, кроме него, было ещё шесть человек. Водитель, пожилой небритый человек с красными, воспалёнными от усталости и постоянного недосыпания, глазами, молча крутил баранку, непрерывно грыз семечки и изредка зевал, широко открывая рот, отчего казалось, что он вот-вот свернёт себе челюсть. Остальные спали.

От выпитого вечером самогона в салоне стоял густой тяжкий дух, не помогали даже открытые окна. Когда машину встряхивало на ямах или заносило на поворотах, сонные пассажиры, как по команде, дружно подпрыгивали, хватались за сидения, в сердцах матерились и, что-то бессвязно бормоча, снова возвращались в прежнее коматозное состояние.

Все мужики были его возраста, только один – помоложе. Несколько часов подряд он без передышки рассказывал, что недавно женился, что жена – в ожидании, и он очень надеется, что у них будет двойня – мальчик и девочка. А ещё молодой человек сообщил Богдану, что на свадебные деньги новобрачные купили недостроенный дом, и, чтобы завершить строительство, он «пошел на фронт мочить сепаров».

Сосед лихорадочно размахивал руками, грубовато шутил, громко смеялся, а Богдан думал о своем, делая вид, что внимательно слушает, изредка поддакивая и согласно кивая головой.

–...Тыща в день! Вот это деньги! Прикинь, сколько это в месяц будет?! Тридцать тыщ! Офигеть! Уму непостижимо! А если на передовой полгода продержаться, прикинь? Ты где ещё такой заработок найдёшь? Тем более, практически на месте, не выезжая из страны!

С горящими от предвкушения глазами, громко прищёптывая, парень долго умножал тридцать на шесть, полученный результат – на тысячу, нервничал и переживал, будет ли отдельно учтено тридцать первое число, потом ещё дольше

переводил гривны в доллары, чтобы случайно на инфляции не потерять, колебался по поводу ещё одного месяца службы на Донбассе, чтобы иметь, на всякий случай, маневренный запас...

После продолжительных устных подсчетов и пересчетов он перешел на калькулятор и вскоре выдал результат:

– Как ни крути – что слева направо, что справа налево, по минимуму сто восемьдесят тысяч гривен получается, прикинь! Я фигею! Вот это президент! Вот это сила!..

Обещание новоизбранного президента страны платить каждому бойцу антитеррористической операции тысячу гривен в день молодой человек совершенно не связывал с конкретной целью предстоящего заработка – убийством людей. Все ещё не веря своему нечаянному счастью, он строил планы, как потратить неожиданно свалившееся на него богатство: «путешествовал» с семьей по миру; «дарил» жене золото и бриллианты; «возил» ещё не рожденных детей в Париж, в Диснейленд, на заморские курорты; «записывал» их в музыкальную школу, на футбол; «покупал» фортепиано...

«Совсем ещё ребёнок», – добродушно думал Богдан, вполглаза наблюдая за восторженным мечтателем, который был на седьмом небе от предстоящих перспектив. Слушая его фантазии, Богдан вспомнил обещание Порошенко на Майдане: «Приятная новость для фанатов киевского «Динамо» – после нашей победы я обещаю за сутки отреставрировать брусчатку на Грушевского и отремонтировать стадион

«Динамо»!» Тогда слова Петра Алексеевича вызвали бурное обсуждение и одобрение в обществе, но прошло время, обещание так и осталось красивыми словами, и что-то подсказывало Богдану, что «тысяча в день в зоне АТО» – из этой же невыполнимой серии, как и предвыборное обязательство президента «в две недели закончить войну на Донбассе».

Что-то пошло не так. Как и прежде, обман ложился на обман, и это не оставляло ни малейших иллюзий, что что-то в этом мире поменяется. У народа, который шёл за Моисеем, была надежда, была вера, а у народа Украины не было ничего, кроме безысходной темноты тоннеля и горького понимания, что его Моисей, скорее всего, ещё не родился.

На очередном ухабе сосед, совсем недавно задремавший, снова проснулся, и до Богдана донеслось:

–...машину. Там, говорят, любую можно взять, какая понравится. И с документами проблем не будет, вот мои документы.

Сощурив глаза, так, что они превратились в острые жесткие прорезы, молодой человек постучал себя по боку, где, по идее, должна была находиться кобура.

«Интересно, где же это машины дают, какие понравятся? Да ещё бесплатно», – подумал Богдан недоверчиво, но потом вспомнил, как ещё зимой газеты писали о компьютерах, пропавших из Киевской горадминистрации после её захвата протестантами. Милиция потом нашла их в одном из сел соседней области. Да и местные паненки в соцсетях не брез-

говали хвастаться подарками своих мужей из зоны боевых действий. Старшая дочка, Татьяна, возмущенно фыркала, и категорически прекращала с такими людьми общение.

А ещё Тане не нравилось, что студенты практически не учатся, на пары не ходят, а сессию сдают на «отлично», что доносы на преподавателей пишут, что в ректорат на них «стучат»... Ещё год назад мечтавшая продолжить образование в аспирантуре, сейчас его девочка хотела лишь одного – побыстрее закончить учебу и получить диплом. Богдан видел, как свет потух в её глазах, с какой неохотой она шла в университет, забросила общественную работу, встречи с подругами, рассталась «по идейным соображениям» с молодым человеком, но надеялся, что со временем это пройдет...

Машину подбросило на очередном ухабе, сонные пассажиры дружно вскинули головы, чертыхаясь и лязгая зубами, подпрыгнули и грузно возвратились в прежнее состояние.

–...Бодя, ау-у! Ты чего не слушаешь? Да не смотри ты постоянно на часы, скоро дырки протрешь! Не терпится? Не бойсь, через часок-полтора на месте будем! Я специально в навигатор маршрут «забил», все рассчитал – и расстояние, и время... Лучше послушай, как я заживу! Вот заработаю в АТО – дом дострою, гараж сооружу, баньку... Чтоб все, как у людей! И даже лучше! А вокруг дома – газон... Газон, как в Европе! Представляешь?! – будто и не спал, продолжал мечтать вслух его словоохотливый приятель.

– Не какой-то сельский огород – картошка-петрушка-мор-

ковь, а самый настоящий зеленый газон! С кустами можжевельника, с бетонными бордюрчиками, с узкими дорожками, посыпанными белым гравием! Нет, не белым... Я дорожки мраморной крошкой высыплю! Красной! Представляешь, ярко-красные дорожки, нарядные, как на картинке в глянцево-м журнале, а вокруг них – темно-зелёная сочная трава! Красота! А ещё газонокосилку куплю, дорогую, электрическую, чтобы не ревела, будто у неё понос, а басовито шла, солидно, как в уважаемом хозяйстве полагается. Так вот, куплю, и каждую неделю буду стричь газо...

Внезапно в глаза ударила молния. Неестественно белый дрожащий свет обнажил на мгновение кресты. Потом из темноты медленно выплыли светящиеся кубы.

– Костив Илья... Костив Юрий... – читает Богдан на одном из них. Против каждого имени четко, под линейку, написано две даты. Дата рождения. И дата смерти. Совсем свежая. Дальше идет – Костюшко... Богдан Зиновьевич...

И снова темнота, запах горелой резины и ещё какой-то незнакомый, нет, знакомый, но давно забытый запах... Запах из детства... Или из юности... Слышится резкий треск... Просто в глаза бьет ослепительный свет операционных ламп... К нему наклоняется доктор. Богдану видно, как шевелятся его губы, но слов он не слышит, зато видит глаза... Очень знакомые глаза... И ещё чувствует запах, тонкий, приятный запах парфюма. Этот запах живёт сам по себе, отдельно от запаха больницы...

– Ты смотри, а этот, по-моему, живой еще. Вроде шевелится... – слышит Богдан, как сквозь вату, после чего на него сыплются удары.

– Сдохни, тварь, сдохни!.. Сдохни!..

Голос бьющего высокий, детский, да и сами пинки – слабые, не причиняют ему особой боли.

– Не надо! Не надо! Не трогай его, Санька, отойди!.. Кому говорю?!.. – раздается рядом, потом следует какая-то быстрая возня, и удары прекращаются.

– Ну вот, так-то оно лучше, – ворчливо замечает тот же голос, принадлежащий, по всей видимости, пожилому человеку. – Не видишь, они только что приехали...

Но не успевает мужчина договорить, как на голову Богдана снова сыплются тумаки.

– Мои тоже приехали!.. Тоже приехали!.. Тоже приехали!.. Только что приехали...

Детский голос срывается, переходит в щемяще-тоскливый глубокий всхлип. Богдан осторожно открывает глаза. Высоко в небе кружит ястреб. Где-то рядом с треском и шипением горит резина. Двое мужчин в полувоенных костюмах с интересом наблюдают за его действиями. Богдан пробует пошевелиться, но задеревеневшее тело не слушает его, пробует заговорить, но тоже не может.

– Чё выставил моргалы? – не выдерживает совсем молодой паренек. – Говори, сука, куда ехали? Рассказывай, мразь, рассказывай, не то враз приговорю!

– Саня, спокойнее, дорогой, спокойнее, сейчас его заберут, куда надо, там все и расскажет. А ты, мил человек, зря к нам с оружием пришел, ох, зря... Нехорошее дело вы затеяли – людей убивать... Не божье это дело, что там говорить, да и не по-человечески как-то...

Старший мужик, по виду – пенсионер, осуждающе качает головой:

– Видишь, что ваши натворили? Мин на дорогах понатыкали, растяжек, вот и подорвались вы. Скажи спасибо, что живой остался, да ещё вот мальчика благодари – это он взрыв услышал, потом ко мне прибежал и сюда идти заставил, чтобы посмотреть, может, выжил кто, случаем... Наши, деревенские, уже давно в эту сторону носа не кажут – на мину напороться боятся. Да... Дела... Остальные твои напарники уже того... представились. Уже на небесах...

– В пекле они, гады, горят! В аду! С чертями вместе жарятся!.. – в сердцах произносит Саня.

– Ты не обижайся на ребятенка, мил человек, прав он. Делов вы натворили – немерено, до конца жизни не расхлебать. У него, – кивает старик на своего молодого напарника, – давеча отец с мамкой погибли, на mine подорвались. Тоже на этой дороге. Сам он остался, один... Один, как палец...

В кармане оживает телефон. Кто бы это мог быть? Неужели Наталья? Сутки назад, когда Богдану пришла повестка, жену с детьми он отправил на Кубань, от греха подальше. Вчера ночью они сообщили, что пересекли государственную

границу. Говорить сейчас с родными не хотелось, но телефон, будто заведённая пластинка, звонил и звонил, не умолкая. А может, это вовсе и не Наталья, может, звонят из военкомата, беспокоятся, прибыл ли на место? Он пытается вынуть из-под себя затёкшую руку, но тщетно.

– Ты чего трубку не берешь? – сердито спрашивает подросток.

– Аа-а, так ведь он не может, – догадывается старший, помогая Богдану освободить руку. – Удивительное дело, однако: шестерых – всмятку, а этому хоть бы что – ни единой царапины!

Телефон наконец замолкает. «Наверное, батарея разрядилась», – отмечает он равнодушно.

– Повезло тебе, мужик, ох, повезло... Видать, в рубашке родился. Или дела на земле оставил... недоделанные...

Со стороны дороги слышится пронзительный визг тормозов, и через мгновение, лихо развернувшись на сто восемьдесят градусов, возле них останавливается старая «копейка». Из нее проворно выныривает широкоплечий молодой человек.

– Ну, чё там, дядь Лёш? Подорвались, ссуки? Сколько было? Все готовы?

Обескураженно присвистывая, мужчина быстро обходит догорающий «минивэн».

– Да... Врачам здесь делать нечего... Так, я команду пришлю, хорошо? Транспорт, опять же, надо, чтобы увезти...

Ребята решат, куда их пристроить, да и документы какие, возможно, сохранились... Нужно машину осмотреть... Может, родных удастся найти, чтобы тела забрали похоронить. Тут минутой дела не обойтись, а мне некогда сейчас, дядя Лёша, у меня Надежда рожает! – с гордостью произносит приехавший и только сейчас замечает Богдана.

От изумления он резко сбавляет ход, в раздумье чешет затылок и, смачно сплюнув себе под ноги, удивлённо пялит глаза:

– Ни фига себе! Оттуда?

К нему тут же подскакивает обрадованный подросток.

– Так мы тебе чего звонили, Гриша? По этому поводу и звонили! Живой он, представляешь, совсем живой! Шестерых на мелкие куски, как игрушек пластмассовых, порвало, а этому – хоть бы хны! Дядя Лёша говорит – в рубашке родился, а, по-моему, так просто повезло! Ты его, Гриша, сдай, кому надо! Да так сдай, чтобы по полной получил, чтобы почувствовал, мразь, куда попал, чтобы не лез больше...

– Ну-ну, Санек, зачем так грозно? – успокаивает мальчонку Григорий. – Сдам, не беспокойся. Я вот чё думаю, дядя Лёша, я счас его домой свезу, прикрою где-нибудь на время, а со своими делами управлюсь, тогда и его определю. Мне сейчас доктора привезти нужно – Надежда рожает, первенец у нас, без помощи не обойтись... Она там ждёт... Ну чё, парниша, пойдём?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.